

XXII

Пассдуэ, мэр XIII округа, скрывал меня в течение трех дней.

На третий день я взял его бритву, сбрил бороду, подрезал баки, оставил только усы и эспаньолку и отправился к одному приятелю, не занимавшемуся политикой и предложившему мне удобное и надежное убежище в одном из мирных клерикальных кварталов. Там я смогу обмануть полицию и ускользнуть от военного суда.

Но собираются ли они арестовать нас?

К концу недели мне стала невтерпез жизнь беглеца, прячущегося в своей дыре, и я возвратился в Ла-Кордери.

Если они намерены схватить нас, им стоит только поставить у входа своих агентов.

Они и в самом деле стоят там.

Значит, им известно, что я вернулся, что вернулись также и другие, кого преследуют за 31 октября и на кого они имеют право наложить лапу. Нас очень легко узнать, – так мало меняют нас обмотанные вокруг шеи кашне и маскарадные очки.

А между тем правительство не проявляет никаких признаков жизни и дает нам возможность раз по двадцать в день взбираться и сбегать вниз по лестнице Ла-Кордери.

Ла-Кордери стала своего рода форумом.

Она вооружает Революцию, составляет указы для будущего восстания, – она могла бы спасти родину!.. Мне она – совсем недавно – спасла честь.

Это случилось в ту пору, когда я носил кепи с четырьмя галунами. Я был как-то на карауле в бастионе. Ко мне подходит один офицер.

– А вы знаете, какие носят слухи? Утверждают, что в избирательной кампании против Жюля Симона вы были заодно с империей.

– Неужели смеют так говорить!

– Да, и во всеуслышанье!

Я бросаю свой батальон и быстро вскакиваю в первый попавшийся фиакр.

Да, об этом громко говорят в кафе, а вчера об этом кричали даже на народных собраниях.

Распространил этот слух креол Жермен Касс.

– А что, если для начала я разобью ему морду?..

– Успокойтесь, – говорит мне Бланки, – и не бейте ничего. Это – начало вашей популярности.

Популярности? Смеется он, что ли, надо мной?

Быть спокойным!.. Да не могу я! С пылающей головой, с сердцем, готовым разорваться от муки, с пересохшим горлом и блуждающим взглядом я несусь из одного квартала в другой. Бросаю экипаж, когда он задерживается на перекрестке, вбегаю как сумасшедший в дома, где живут друзья – члены моего бывшего комитета, – в которых я уверен, и кричу охрипшим голосом: «На помощь! На помощь!»

Я тащу их с собой; по дороге захватываю еще и других, кому известны моя полная нужды жизнь и мое мужество. И еще до захода солнца в Ла-Кордери согласились на мое требование о расследовании. На завтра назначено заседание восьмидесяти совместно с народными комитетами.

Как мучительно долго ожидание! Что за ночь я провел!

Наконец наступил день.

Вместе со мной обвиняются Брион, Гайяр[159] и еще один. Утром мы все отправились в префектуру полиции и потребовали показать нам клеветнические документы, – оружие, которое отравили, чтобы убить нас.

Но нам ничего не показали!

Зал битком набит, комиссия в полном составе. Избирается президиум. Слово предоставляется мне.

Я рассказал все, с начала до конца: как за мной явился комитет во главе с товарищем Пассдуэ, – а ведь Пассдуэ уж никто не заподозрит, не правда ли? Я как раз в это время завтракал в каком-то кабачке. Они пристали ко мне с ножом к горлу. Мне повторяли на все лады, что я, будущий историк июньских героев, обязан представлять этих побежденных перед лицом проклявших их республиканцев и показать им изувеченный труп социальной войны.

Я согласился, но заявил: «Как видите, я завтракаю за тридцать су. Я беден и не могу дать ни сантима на свои выборы».

«Один человек предложил нам деньги на плакаты», – ответил мне комитет.

«Это ваше дело», – сказал я в заключение.

– А если он все-таки был подкуплен империей?

С какой целью?.. Мы предприняли кампанию, не рассчитывая на победу. Цифровые данные убеждали нас в полном поражении.

Пятьсот голосов? Да разве мы могли получить их?

Мы получили их. Но неужели такая безделица могла помешать пройти Симону?..

И вот из-за чего я стою перед вами, обвиняемый в измене. Взгляните на меня! Разве у меня глаза продажного человека?

Нужно ли вам говорить, сколько я перестрадал за свою жизнь? Как боролся с голодом, чтобы остаться свободным?

Так неужели же после целого ряда лет такого героизма, в момент, когда оставалось только немного потерпеть, чтобы стать почти знаменитым и даже счастливым, – я отказался бы от себя, сковал бы себя цепью, продался?

Не мне говорить вам, стою ли я чего-нибудь, но разве вы не понимаете, что десятки раз уже я мог сделаться богатым, если б только захотел!

Я прекрасно знаю, что вы оправдаете меня!.. Но самый факт обвинения все равно оставит горечь в моей душе.

Моя честь?.. Она выйдет отсюда еще более незапятнанной, чем когда бы то ни было! Но моя гордость? Кто сможет омыть ее раны, извлечь из них гной, занесенный туда грязными пальцами Касса?

.....

Они не дали мне кончить.

Изо всех углов зала ко мне потянулись руки. Некоторые обнимали меня; у иных были слезы на глазах.

Но что из того! В будущем всегда найдется несколько мерзавцев, которые откопают всю эту грязь и швырнут ее в меня в тот день, когда я буду обезоружен поражением, изгнанием или смертью.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 2 мая 2026 13:35:10

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 2 мая 2026 13:37:30